

Н.Л. против Соединенного Королевства

[Н.Л. – the United Kingdom] (№ 45508/99)

Постановление от 5 октября 2004 г. [вынесено IV Секцией]

Обстоятельства дела

Заявитель, страдающий аутизмом и известный тем, что наносил сам себе телесные повреждения, неспособен осмысленно выражать согласие или несогласие с предпринимаемыми по его лечению мерами. Начиная с 1994 года, после того, как он несколько лет находился на стационарном лечении в больничном отделении интенсивной поведенческой терапии, он проживал вместе с лицами, которые за плату осуществляют уход за больными. При этом администрация больницы продолжала нести ответственность за его уход и лечение. В июле 1997 года, находясь в центре по дневному уходу, он стал наносить себе травмы. Его забрали в больницу, там его осмотрел психиатр и рекомендовал направить заявителя на стационарное лечение, после чего заявитель был помещен в отделение интенсивной поведенческой терапии. Второй психиатр, осмотревший заявителя, пришел к выводу, что нет необходимости помещать его в больницу в режиме лишения свободы согласно положениям Закона 1983 года «О психическом здоровье» [the Mental Health Act 1983], поскольку заявитель был послушен и не сопротивлялся направлению в указанное отделение. Поэтому заявителя позже приняли в больницу в качестве «неформального пациента».

Заявитель, интересы которого представлял родственник, впоследствии обратился в суд за разрешением возбудить производство по судебной проверке законности помещения его в больницу в режиме лишения свободы, производство с целью издания приказа *habeas corpus*¹ и потребовать возмещения вреда за незаконное лишение его свободы. Высокий суд отказал заявителю в разрешении, так как счел, что заявитель не был «заключен под стражу». Апелляционный суд, однако, счел, что заявитель был заключен под стражу, поскольку администрация больницы не позволила бы ему покинуть больницу. Апелляционный суд постановил, что поскольку положения законодательства, допускающие неформальное направление в больницу, распространялись только на тех больных, которые могут осознанно дать свое согласие, лишение заявителя свободы было незаконным. Тем временем, так как Апелляционный суд указал, что примет решение в пользу заявителя, последний содержался в больнице в режиме лишения свободы на основании положений Закона «О психическом здоровье». Однако в декабре 1997 года после того, как в ходе отдельного производства в трибунале по делам о проверке дел психически больных лиц два психиатра рекомендовали выписку заявителя из больницы, заявителя освободили и направили на проживание к лицам, которые до того осуществляли за ним уход. В июне 1998 года Палата лордов² удовлетворила жалобу администрации больницы по делу, постановив,

¹ Приказ *habeas corpus* – один из важнейших институтов правосудия в англосаксонской системе права – издается судом с целью проверить законность и обоснованность лишения человека свободы (прим. перев.).

² В Соединенном Королевстве Палата лордов парламента выступала как высшая апелляционная судебная инстанция страны (прим. перев.).

что предпринимавшиеся ей меры в отношении заявителя были обоснованы существующей в общем праве доктриной необходимости.

Вопросы права

По поводу подпункта «е» пункта 1 Статьи 5 Конвенции. Что касается вопроса, был ли заявитель лишен свободы или нет, то следует заметить: главным здесь является то, что работники здравоохранения, имевшие отношение к лечению заявителя, осуществляли полный и эффективный контроль за его уходом и его передвижениями. Ясно, что, попытайся он покинуть больницу, ему не дали бы это сделать. Таким образом, конкретная ситуация была такова, что заявитель находился под постоянным надзором и контролем и не был волен покинуть больницу. Посему можно считать, что он «был лишен свободы».

По делу не оспаривался факт, что на момент госпитализации заявитель страдал психическим заболеванием, и что имелись адекватные доказательства, обосновывавшие первоначальное решение поместить его в больницу в режиме лишения свободы. Последовательная клиническая оценка состояния его здоровья в период времени, фигурирующий по делу, состояла в том, что он нуждался в направлении в больницу для стационарного обследования и лечения, а его последующее помещение в больницу в режиме лишения свободы было обосновано двумя медицинскими заключениями, удостоверявшими необходимость такого помещения в больницу. Тот факт, что позже было установлено, что он не страдал психическим расстройством, которое оправдывало лечение в условиях лишения свободы, не умаляет обоснованность сделанных ранее заключений. Поэтому можно считать, что со всей достоверностью было показано: заявитель действительно страдал в период своего содержания в больнице в режиме лишения свободы психическим заболеванием такого рода или в такой степени, которые оправдывали пребывание в больнице в условиях лишения свободы.

Главная цель Статьи 5 Конвенции – не допустить, чтобы людей в произвольном порядке лишали бы свободы, при этом условием заключения человека под стражу является применение установленного законом порядка и наличие адекватных правовых гарантий, справедливых и надлежаще применяемых процедур.

В настоящем деле внутригосударственным правовым основанием для содержания заявителя в больнице в режиме лишения свободы была сформулированная в общем праве доктрина необходимости. Эта доктрина, будучи примененной в сфере лечения психически больных лиц, предлагала минимум условий, при которых лишение свободы душевнобольных лиц могло бы на полных основаниях считаться законным. Верно, что в период событий по делу эта доктрина еще находилась в стадии своего дальнейшего развития, но, безотносительно того, мог или не мог заявитель предвидеть свое лишение свободы по имевшимся основаниям, важный элемент законности – цель избежать произвола – отсутствовал. Европейский Суд поражен отсутствием в Соединенном Королевстве каких-либо установленных процессуальных правил помещения в больницу в режиме лишения свободы недееспособных и не сопротивляющихся этому лиц при том, что имеется широкий набор гарантий, применяемых в случаях принудительного направления на лечение.

В результате, ввиду отсутствия процессуальной регламентации и ограничений работники здравоохранения поставили под свой полный контроль свободу и лечение незащищенной личности исключительно на основании своих собственных клинических заключений. Хотя Европейский Суд не ставит под сомнение их добросовестность или тот факт, что они действовали, по их мнению, в наилучших интересах заявителя, следует учитывать: самое цель процессуальных гарантий в том,

чтобы оградить личность от ошибочных суждений и упущений работников какой-либо профессии. Это отсутствие процессуальных гарантий стало причиной того, что заявитель не был огражден от произвольного лишения свободы, мотивированного доктриной необходимости, и потому по делу имеет место нарушение требований пункта 1 Статьи 5 Конвенции.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что в данном вопросе по делу допущено нарушение требований подпункта «е» пункта 1 Статьи 5 Конвенции (принято единогласно).

По поводу пункта 4 Статьи 5 Конвенции. Проверка законности и обоснованности лишения заявителя свободы, проводившаяся в рамках производства *habeas corpus*, не была достаточно всесторонней, поскольку не охватывала изучение тех условий, которые важно учитывать при оценке «законности» лишения свободы душевнобольных лиц, так как проверка не включала определение, продолжал ли заявитель страдать психическим заболеванием. Кроме того, принципы судебной проверки законности действий властей, как они применялись до инкорпорации положений Конвенции во внутригосударственное право Соединенного Королевства³, в период рассмотрения жалоб заявителя ставили планку неразумности рассмотрения тех или иных доводов настолько высоко, что исключали какое-либо адекватное изучение судом существа клинических оценок состояния больного.

Что касается требований выплаты компенсации за вред, причиненный небрежностью, то заявитель не выдвигал обвинений в небрежности, а что касается требований возмещения вреда за незаконное лишение его свободы, то рассмотрение иска заявителя по этому поводу не требовало привлечения какой-либо экспертизы. Наконец, что касается деклараторного решения⁴ Высокого суда, принятия которого добивался заявитель, то государство-ответчик не привело Европейскому Суду никакого сходного прецедента того времени. Коротко говоря, Европейскому Суду не было продемонстрировано, что в распоряжении заявителя имела судебная процедура защиты его прав, отвечающая требованиям пункта 4 Статьи 5 Конвенции.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что в данном вопросе по делу допущено нарушение требований пункта 4 Статьи 5 Конвенции (принято единогласно).

По поводу Статьи 14 Конвенции в увязке со Статьей 5 Конвенции. Европейский Суд пришел к единогласному заключению, что нет необходимости рассматривать жалобу по данному пункту.

Компенсация

В порядке применения Статьи 41 Конвенции. Европейский Суд счел, что установление факта нарушения требований Конвенции само по себе является справедливой компенсацией причиненного заявителю морального вреда. Суд также

³ Права и свободы человека, предусматриваемые Конвенцией, были инкорпорированы в право Соединенного Королевства Законом 1998 года «О правах человека» [Human Rights Act 1998] (прим. перев.).

⁴ Деклараторным решением суда, не затрагивающим существо спора, разъясняется содержание норм права, подлежащих применению в конкретной спорной ситуации (прим. перев.)

вынес решение в пользу заявителя о возмещении судебных издержек и иных расходов, понесенных в связи с судебным разбирательством.